

ОСОБЕННОСТИ ПОСТКАНТОВСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

А.В. УСАЧЕВ

Философия после Гегеля на первый взгляд представляет собой науку, потерявшую ориентиры развития. Гегель в своей философии охватил почти все принципиально важные предметные регионы европейского мышления. Среди них сознание, мышление, история, право, религия, наука, природа, эстетика и др. Такой охват породил волну критики, сущность которой состояла в том, что такой масштаб обобщения опыта наличного бытия блокирует восприимчивость к пульсирующей реальности, к живому знанию. Но анализ показывает, что и критика Гегеля и его панлогизм были обусловлены не гегелевской философией, а критикой чистого разума. Ее ввел в дискурсивную основу европейского мышления И. Кант в качестве новой науки, заменяющей метафизику, которая не оправдала надежд и упований эпохи.

И. Кант, разрабатывая основы научной метафизики, дал развернутую теорию трансцендентального, сосредоточив свое внимание на априорных синтетических суждениях. Они являются предпосылкой и возможностью существования любого опыта в целом и науки в частности. Еще одним аспектом чистого разума является его отношение к трансцендентному, которое по определению недостижимо для чистого разума. Он его не может мыслить, так как трансцендентное располагает областью своих значений за ноуменальной границей. Трансцендентное может стать апостериорным достоянием разума, но в мистическом или другом иррациональном модусе, который выходит за рамки компетенции философии и рациональной теории познания.

Исторический опыт такой теории уже имел место в европейской традиции, но только в догматическом виде, в суждениях, которые Кант осмысляет в учении об антиномиях чистого разума. Немецкий философ обозначает этот опыт догматизации трансцендентных сущностей как явно неудачный и не соответствующий природе научного познания. Поэтому он должен быть отброшен. Из трансцендент-

ного он выделяет особую область, которая получает название «трансцендентальное», где сфокусированы все априорные предпосылки научного знания. «Кенигсбергский мудрец» онтологизировал различие трансцендентального и трансцендентного. Трансцендентальное является до-опытной совокупностью элементов — не они зависят от опыта, а опыт зависит от них. Трансцендентное остается в былом статусе уровня сущностей, недостижимого для опыта. Разработав статус и важнейшие характеристики трансцендентальной философии, Кант дал ее исчерпывающую теорию. И в то же время он инициировал волну исследований и вопрошание трансцендентного.

Постклассическая философия приняла мысль Канта в неизменности. Трансцендентальная философия нашла свое отражение в многочисленных европейских центрах мысли. Невозможность сколько-нибудь серьезных претензий разума на освоение трансцендентного также была принята в конфигурации кантовской критики. Неклассическая философия занялась вопросами критики философской теории гносеологии и трансцендентализма, хотя в отдельных случаях процесс осмысления перерастал в утвердительные суждения (неокантианство), в других (экзистенциализм, фундаментальная онтология) — в почти полное отчуждение гносеологии и трансцендентализма от философской работы. В ней внимание исследователя переносилось с трансцендентального на трансцендентное, с кантовской оригинальной, ставшей классической, теории на по-новому истолкованную сущность трансцендентного. Трансцендентное, пройдя переосмысление в философии Канта, претерпело секуляризацию и стало познавательной техникой, трансцендированием, постоянным переходом через границы ставшего сущего.

Одним из путей формирования нового стиля познания в философии стало разграничение понятий апостериорного и трансцендентного. Апостериорная сфера — область онтологии, которая ослабляла возможности новой науки Канта. Опыт как действительная основа апостериорного знания стал субстанциальной характеристикой субъекта в гносеологии, и в дальнейшем человека — в онтологии.

Трансцендентное, став техникой исследования – трансцендированием, позволяло не останавливаться на отдельном существе, и все время менять, в зависимости от специфики, направление, язык и цели метафизических исследований. Таким образом, апостериорное (экзистенциальное) стало онтологией, а трансцендентное раскрыло себя в технике и/или движении, которое уточняло особенности отдельного существа, попавшего в философский обзор и исследовательские программы. В неклассической философии трансцендентное прошло путь от сакрального до секулярного, от запредельного до эмпирического. Метафизика в отношении сакрального готова только к осторожным суждениям и ограничениям, но не к определенности. Секулярное, апостериорное, экзистенциальное получило в виде трансцендирования познавательную технику постоянного обновления предметной основы и целей познания.

Различие апостериорного и трансцендентного, новое толкование их онтологического содержания, составило потенциал прочного и постоянного развития оснований философии в эпоху их очевидного кризиса. Многие из них были поставлены под вопрос. Истина, добро, красота, прогресс, абсолютность культурных ценностей и многое другое уже не гарантировало человека от потери чувства своего мира, в котором цели формируются в согласии с устоявшимися трактовками перечисленных сущностей. Важнейшим метатекстовым суждением, формирующим направление исследований в XIX и XX веках, стал вывод о фиаско философии в соревновании с точными науками. Но философия не могла в силу одного авторитетного, пусть и гениального, мнения исчезнуть из европейской культуры. Более того, в первой трети XX в. она развилась в тезис о метафизичности бытия европейца (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер).

В научной и философской сферах не все готовы согласиться с тем, что личностный компонент, духовно-душевное пространство личности, не имеет никакого значения для роста знания. В неклассический период, в первые десятилетия послегегелевской философии, на первый план выдвинулись проблемы данности и онтологические вопросы, т.е. те проблемы бытия и познания, которые являются ре-

зультатами трансцендирования, «перехлестывания за границы» субъекта (М. Хайдеггер), преодоление границ телесности, активизации интуитивно-волевых аспектов познавательного процесса. Классическая философия утверждает, что метафизика — это естественная склонность разума¹, неклассическая мысль исходит из убеждения, что метафизика представляет собой способ бытия и присутствия европейского человека. Разум и человек — это разные сущности, которые группируют вокруг себя различные дискурсы, проблемы и вопросы. Первым парадигмальным значением обладает фактор пространственной локализации дискурсов о разуме и человеке. В классическом толковании разум не имеет пространственной и временной локализации. Человек — неклассическая сущность. Он локализован во времени и пространстве: он телесно задан и подчинен времени в смысле конечности земного существования. Время ограничено предустановленной историчностью бытия, пространство сжато контурами пространства, в котором история метафизики простирается от Анаксимандра до Ницше, т.е. границами Европы². Все перечисленные аспекты входят в содержание проблемы человека как центра неклассической предметности философского вопрошания.

Гегель выстроил свою философию на трансцендировании за пределы единичного и субъективного, которое легло в основу агностицизма Канта. Единичное субстантивировалось в трактовке Кантом времени. Его формулировка такова: «Время, в самом деле, есть нечто действительное, именно оно есть действительная форма внутреннего наглядного представления. Следовательно, оно имеет субъективную реальность в отношении внутреннего опыта»³. Гегель на приведенные основания Канта отвечает следующим образом: «Исходным пунктом является для нее (критической философии. — А. У.) прежде всего различение элементов, которые мы находим при анализе опыта, различение между чувственным материалом и его всеобщим отношением. К этому присоединяется... критический вывод, что в восприятии самом по себе содержится лишь единичное и лишь то, что случается»⁴. Чтобы преодолеть плоский идеализм (Гегель) основателя немецкой классической философии, не-

обходима была онтологическая интерпретация, которая стала возможной в силу трансцендирования, т.е. осуществления перехлестывания, преодоления границы кантовских утверждений о единичном восприятии как основе познавательного процесса. Спор был практически невозможен, так как логика Канта, как и его корректное признание непознаваемости бытия, были определены поставленными задачами и в их рамках полностью себя оправдывали. Гегель продумал другой предметный регион, где теория познания менее совершенна в качестве философской науки, но снимается в теории бытия и его существенных свойствах. Важнейшим из них становится историчность бытия, локализованная в истории европейского и германского духа. История — это действительная форма времени, отражающая предметность инобытия в переходе к Абсолютной идее, а не «внутренне наглядное представление».

В истории много событий и фактов, которые указывают на бытийные сущностные тенденции. Показательно, что феноменология духа, т.е. фиксация бытийных состояний развития сознания субъекта в самосознание, стала основой для дальнейшей логической интерпретации перехода простого в сложное, единичного и уникального во всеобщее и универсальное. Философия Гегеля как крупнейшего критика и продолжателя идей Канта, снимающая многие его положения⁵, обрела особую судьбу в русской культуре. Важнейшим предметным регионом, где проявляет себя трансцендирование, стала история. Оно стало итогом процесса определения своей идентичности в России, в результате которого была осуществлена редакция философии истории Гегеля. В русской историософии было предпринято трансцендирование за пределы всеобщего Гегеля и за пределы единичного Канта. Единичное выступает в качестве восприятия субъекта в гносеологии Канта, его преодолел Гегель во всеобщем, выступающем у него в виде истории. Всеобщее — это европоцентричная история, развиваемая Гегелем. В русской историософии была реализована попытка осмыслить историю России, т.е. частное, взятое со стороны своей уникальности.

У историков много претензий к исторической точности немецкого философа, но Гегель в полном соответствии с

германской традицией философии считал истину факта несостоятельной. (То же утверждал, например, Г. Лейбниц.) В философии истории Гегеля есть идеологические элементы, не вызывающие восторга у тех, кто не исповедует европоцентризм. Крупнейший философ Нового времени объявил подавляющее большинство народов неисторическими, не играющими роли в наличном историческом развитии, в инобытии Абсолютной идеи. Неисторические народы, среди которых оказываются и славянские, имеют свою историю, полную драматизма и обнаруживают другие критерии движения и периодизации. Драматизм и способность переживать свою историю не обязательно приводят к построению выверенной теории, не прорисовывают структуру. Но это — интуитивное свидетельство существования истории, ее ощутимой и значительной поступи, что во всех тонкостях удалось показать русской историософии, которая стала еще одним результатом трансцендирования в неклассической философии.

Бессознательным адептом философии истории Гегеля был П. Чаадаев, приписывавший Европе все атрибуты серьезной обдуманной истории, и совсем лишавший рефлексивности российское самосознание⁶. Вдаваясь в детали, он лишь вновь и вновь повторял идею неисторичности славянства то на один, то на другой манер. Все это было снято в философии истории Гегеля. В связи с запрещением Николаем I в 30-х годах XIX в. самого имени родоначальника русской философии истории и западничества, П. Чаадаева вновь открыли только в XX в. после социалистической революции, да и то в качестве критика русского самодержавия, совсем не продумав инициативу этой критики, которая принадлежала гегелевской методологии исторического анализа.

Действительно оригинальное слово вышло в 1871 г. из-под пера Н.Я. Данилевского в книге «Россия и Европа», где была изложена теория локальных культур⁷, но российское общество 60-х и 70-х годов XIX в. было настолько увлечено беллетристикой, что целые тиражи книг по философии истории с бесценными мыслями шли в макулатуру. Однако огонек был зажжен. Если верить М. Хайдеггеру, истинные

мысли сродни тишине, поэтому даже так неярко, без шума, но идея, поколебавшая философию истории Гегеля, прозвучала. Она уже обрела жизнь, хотя и не была услышана. Лучшая судьба была уготована историософии Н. Бердяева⁸. Размышляя над русской историей, решая вопрос о русской национальной идентичности, философски точно поставленный В. Соловьевым, и подведя под него дискурсивную основу, русский мыслитель проделал очень большую теоретическую и идеологическую работу. Ему удалось выстроить структурное соответствие всем базовым конструкциям классической философии истории. Он провел свою периодизацию российской истории, выявил порой парадоксальные основания изломов русской действительности, высветлил своеобразный тип детерминизма, в котором решающей силой обладают то личность, то стечение обстоятельств, то философские идеи, но никогда не линейная — на много тысяч лет одна и та же — логика и причина. Популярность и большое влияние Н. Бердяева показали, что его тип исследования во многом проясняет на первый взгляд плохо соотканное полотно российской истории.

История неклассической философии показывает, что предмет познания может развиваться, обретать новые формы и содержание. Существенным и эффективным на этом отрезке истории философии было трансцендирование за пределы понятийно-категориального языка классической философии. Яркой школой, представленной этим типом трансцендирования, стал экзистенциализм. Словарь экзистенциалов, появившийся в результате преодоления границ классического философского языка, был призван сделать внутреннюю жизнь человека, — сферу возможного, а не действительного, субъективного, а не объективного, — сферой всемирно-исторического уровня. В этой интенции раскрывается двойственный результат. Такие экзистенциалы, как «забота», «тревога», «смерть», «молва» и др.⁹ давали возможность проникнуть в те уровни бытия и сознания, которые ускользали от категориального языка немецкой классической философии. В то же время, не подвергая критике свои онтологические основания, экзистенциализм остался в зависимости от классического рационализма. Поменяв мес-

тами субъект и предикат в теоретическом положении Гегеля «Сущность есть основа существования» и получив программный тезис «существование есть основа сущности», активисты этого направления в еще большей степени выразили установки рационализма¹⁰. В этом смысле экзистенциализм приобрел зеркальное отражение всех прокомментированных «недостатков» классической философии. Предпослав сущности существование, он, например, не разрушил западную схему образования, которая инвестирует в подрастающее поколение некую сущность в виде информации (с оговоркой, что жизнь сложнее), а после дает социальную легитимацию индивидуальному бытию человека, гражданина. Утверждая доминирование ситуации, сиюминутного бытия в формировании решений человека и его воли к трансцендированию за пределы социальности и индивидуальной ограниченности, экзистенциализм оказался в том же качестве, в котором он обвинял рационализм, а именно, в нереалистичном отражении действительного положения дел, той социальной онтологии, которая транслирует качества на все остальные стороны бытия западного человека.

Таким образом, неклассическая философия создала феномен динамично развивающегося предмета философской рефлексии с помощью техники трансцендирования, постоянного перехода границы качества того или иного ставшего предмета и его свойств. Философия обрела вторую жизнь, и, по мнению Э. Гуссерля¹¹, вступила в кризисный этап, выход из которого позволит ей, наконец-то, обрести свое неповторимое лицо точной и поистине аутентичной науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Как возможна метафизика как естественная склонность, т.е. как из природы общечеловеческого разума возникают вопросы, которые чистый разум задает себе и под влиянием собственной своей потребности, насколько может, пытается решить?» *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. – СПб., 1993. – С. 42 – 43.

² *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // *Хайдеггер М.* Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 29.

- ³ Кант И. Критика чистого разума. – С. 60.
- ⁴ Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – С. 153.
- ⁵ Например, теорию Канта о конструктивной способности разума (коперниковский переворот), которую он реализует в учении о синтетических суждениях а priori, т.е. принципах науки, Гегель успешно истолковал как тождество бытия и мышления.
- ⁶ См.: Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Соч. – М.: Правда, 1989.
- ⁷ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.
- ⁸ См.: Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990; Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990; Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990.
- ⁹ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: ФОЛИО, 2003.
- ¹⁰ См.: Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000.
- ¹¹ См.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Логические исследования. – Минск; М.: АСТ, 2000.